

КРЮКОВ Алексей Викторович

Институт лингвистических исследований РАН

Россия, Санкт-Петербург

kauko@mail.ru

ОБ ЭТНОНИМЕ *VEPSÄ* У ИЖОР

Аннотация. В статье на полевых материалах автора конца XX — начала XXI вв. представлена пестрая этнонимическая ситуация у ижор. Показано, что отдельные локальные группы ижор маркированы специфическими экзо- и эндоэтнонимами, указывающими на отсутствие этнического единства между этими группами в обозримом прошлом. Автором выявлено бытование отдельной группы ижор в западной Ингерманландии (Волосовский и Ломоносовский районы Ленинградской области) с самоназванием *vepsä* / *vepsäläiset* ‘вепсы’. Из-за раннего обрусения эта группа и маркировавший ее этноним не попали в поле зрения исследователей. Показана большая давность существования данной группы обруsevshih ижорских поселений, подтверждаемая как топографически, так и историческими источниками. Наследие термина *vepsä* / *vepsäläinen* сохраняется в топонимах и фамилиях, причем на значительно более обширной территории, чем собственно ижорская. Вопрос о взаимоотношениях этнонаима *vepsä* / *vepsäläinen* на Ижорской возвышенности и в других местах остается открытым.

Ключевые слова: вепсы, водь, Земельщина, ижоры, ижорские диалекты, Ингерманландия, топонимы, этнонимы.

Благодарности: За участие в подготовке этой работы автор благодарит Арво Сурво, Веронику Махтину, Андрея Ридаля, Михаила Браудзе.

Для цитирования: Крюков А.В. Об этнониме *vepsä* у ижор // *Studia Nordica*. 2025. № 1. С. 84–109. DOI: 10.17076/sn4

Ижоры — малая народность северо-запада России (Ленинградская область). В 2000 г. ижоры («ижорцы») включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. По данным последней переписи населения численность ижор на 2021 г. составила 210 человек. Совершенно неверно было бы представлять ижор в виде небольшого компактного этнического коллектива, живущего традиционным способом. Близость к границам России и к Петербургу, революция и войны обусловили слом традиционного быта, вынужденные переселения, рассеяние по всему СССР и полное уничтожение традиционного хозяйства в конце XX в. Численность ижор стремительно уменьшается: в 1926 — 16 тыс. чел.¹,

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том 1. Отдел 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Издание ЦСУ Союза ССР. М., 1928. С.117.

в 1959 г. — 1,1 тыс. чел.², в 1989 — 449 чел. в РСФСР³. Падение численности ижор обусловлено, в общем, процессами ассимиляции — до начала XX в. естественной, а в XX в. — форсированной (в отрыве от привычной среды обитания). На рубеже XX и XXI вв. для ижор характерны утрата этнического самосознания, языка и других этнических признаков и, наконец, смешение с окружающим населением — как в новых местах проживания, так и на своей коренной этнической территории. Очевидно, что ижоры — исчезающий этнос.

Современная этническая территория ижор (на конец XX в.) находится в пределах Кингисеппского и Ломоносовского районов Ленинградской области. Арво Лаанест, исследовавший говоры ижор в 1960-х гг., связывает локальные группы ижор с четырьмя диалектными ареалами: нижнелужским, сойкинским, ковашским (хэваским) и оредежским. Такая конфигурация сложилась в результате уменьшения этнической территории ижор по сравнению с ситуацией XIX в. в результате того, что ижоры Карельского перешейка и Центральной Ингерманландии подверглись суомизации либо обрусению и сменили этническое самосознание к началу XX в.⁴ Таким образом, ареал ижор, сохранивших этничность, уменьшился до состояния, которое показал А. Лаанест⁵, а к концу XX в. — до нынешнего состояния: к 1970-м гг. локальная группа оредежских ижор полностью обруслена — фактически исчезла.

Об истории и происхождении ижор известно мало. Ижоры в отличие от води не считаются автохтонным населением западной Ингерманландии.

² Численность, состав и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1961. С.27.

³ Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С.159. Численность указана по переписи населения 1989 г. (Там же. С. 4).

⁴ *Inkeroinmurteiden sanakirja / Toim. R. E. Nirvi. Helsinki, 1971. S. V (Johdanto)*. См. также: Крюков А. В. Ижоры Карельского перешейка в XX веке // «Нет родной сторонки краше...»: Сборник статей и материалов научно-просветительской конференции, посвящённой 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины великой ижорской сказительницы Ларин Параске (1834–1904). СПб.: Издательский дом «Инкерি», 2006. С. 62–92; Крюков А. В. Ижоры Центральной Ингерманландии в XX веке // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые Международные Шёгреновские чтения: Сборник статей. СПб., 2018. С. 78–91.

⁵ Лаанест А. Ижорские диалекты. Таллин, 1966. С. 4–5.

Их самые ранние археологические памятники датируются XIII–XIV вв.⁶ В сущности, сведения о прошлом ижор базируются на нескольких летописных упоминаниях и на немногих источниках XVII–XIX в. Ф. Туманский, оставивший описания быта ижор конца XVIII в., не привел их самоназваний, но отметил, что по-русски ижорами называли и другую народность — ямов⁷. А. Шёгрен, описавший финское население Петербургской губернии в первой половине XIX в., показал соответствие этнонимов *ижоры / ижорцы* — *Ingrikot*⁸, отметив также экзоэтноним *Karjalaiset* — название ижор у води⁹. Позже П. Кёппен постулировал как основное этническое название ижор — *Ingrikot oder Ingerikot*, связав его с гидронимом — названием реки Ижоры (*Ingerinjoki*)¹⁰.

Финские фольклористы, посещавшие Ингерманландию в конце XIX — начале XX в., не заостряли внимания на этнонимах — не всегда указывались даже имена сказителей. Большой корпус песен калевальской метрики был записан примерно в равном количестве от ижор и от финнов. Отличиям речи финнов и ижор не придавали большого значения, поскольку она была, видимо, взаимопонятной. В материалах финских фольклористов при именах православных сказителей-ижор стоит обозначение *Inkeroinen* ('ижор')¹¹. В финской фольклористике принята идея о принадлежности песенного наследия ижор к традиции финского народа.

В. Поркка в работе, посвященной «ижорскому диалекту» (1885), утверждал тождество (равнозначность) названий *Inkeroiset* и *Karjalaiset* у ижор локальных

⁶ Седов В. В. Ижора // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 42–43. См. также: Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 63–66.

⁷ Örik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul: Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses / Toim. A. Viires. Tallinn, 1970. Lk. 56–57.

⁸ Sjögren A. J. Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersbugischen Guvernement und ueber den Ursprung des Namens Ingermannland. St.-Petersburg, 1833. S. 3–4, 27, 35–36.

⁹ Ibid. S. 35.

¹⁰ Köppen P., von. Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernement. St.-Petersburg, 1867. S. 32.

¹¹ Suomen kansan vanhat runot. Helsinki, 1915–1924. Vol. III. Länsi-Inkerin runot. Osat 1–3; 1925–1928. Vol. IV. Keski-Inkerin runot. Osat 1–3; 1929–1931. Vol. V. Itä- ja Pohjois-Inkerin runot. Osat 1–3. См. также: Salminen V. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät // Suomen kansan vanhat runot. Vol. V. Osa 3. S. 536 etc.

групп Сойкино, Копорье, Хеваа (Коваша) и Лужского уезда — т. е. всех, за исключением ижор нижнелужского ареала¹². В дальнейшем было выявлено, что этноним *inkerikko / ingerikko* малоизвестен в западной Ингерманландии¹³ — именно там, где живут современные ижоры.

В 1990-х гг. автор этих строк занимался планомерным исследованием ономастики финноязычного населения Ингерманландии. Исследование состояло главным образом в фиксации антропонимов, домонимов, топонимов и фактов местной истории. Фиксировались также названия местных жителей (локальные названия, катойконимы) и специфика их употребления. За «точку отсчета» бралось время молодости информантов — обычно это были 1920-е гг. Материалы автора в большей или меньшей мере охватывают весь ареал финноязычного населения Ингерманландии. Наблюдения выявили существенные отличия от общепринятой схемы¹⁴. Основные выводы могут быть кратко изложены в виде следующих тезисов.

А) Этноним *ижоры* принадлежит русскому языку — это экзоэтноним, применявшийся к различным этническим группам безотносительно к их самоназваниям. В XX в. «ижорами» называли и западную водь¹⁵, и православных финнов неясного происхождения¹⁶, и финнов-лютеран¹⁷, и некоторые группы русских¹⁸. В то же самое время жители деревень северной и центральной Ингерманландии, где ижоры показаны в источниках XIX в., не

¹² Porkka V. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländische Dialekte. Helsingfors, 1885. S. 2–3.

¹³ Inkerioismurteiden sanakirja. S.94 (*ingerikkoi*).

¹⁴ Inkerikot, setot ja vatjalaiset: Kansankulttuuri, kiel i ja uskomusperinteet / Toim. K. Kallio, R. Grünthal ja L. Saressalo. Helsinki, 2021. S. 20.

¹⁵ Крюков А. В. Водь или чудь? // Язык и традиционная культура русского Северо-Запада: Сборник статей памяти Лиции Яковлевны Петровой. Великий Новгород, 2010. С. 179.

¹⁶ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 3. Д. 95 (Троцкий уезд). См. Вингисаровская вол., № 149 (Б. Сяскелево), № 150 (М. Сяскелево), № 151–152 (Тойворово), № 171 (Лисьи Горы) и др.

¹⁷ Там же. См. Ковашевская вол., № 419 (Долгово), № 423 (Липово), № 426 (Ракопежи), № 427 (Ручьи); Ораниенбаумская вол., № 741 (Куккузи), № 742 (Лангерево), № 745 (Пеники), № 749 (Гаменгонт), № 752 (Бол. Коновалово), № 761 (Дубки) и др. См. также: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 226 («Ингерманландская автономия»).

¹⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1885. Вып. 10. С. 56 («русские ижорского племени» — приход в Мёдушах).

имели понятия об ижорах. По-русски их также не называли ижорами (чаще всего их считали финнами). Самоназваниями этих людей были *russkie / venäläiset* либо *финны / suomalaiset*. Их родным языком был местный финский диалект (*suomen kielä*) — за исключением обруsevих деревень окрестностей Петербурга (Большие Лаврики, Волково, Лигово) и ряда обруsevих деревень в центральной Ингерманландии (Яскелево и др.). В западной Ингерманландии, где об ижорах всем известно, сами ижоры чаще всего называли себя русскими (*venäläiset / vellaset*), но при этом знали местные ижорские этнонимы и лингвонимы, которые, по большей части, не имели сходства с экзоэтнонимом *ижоры*.

Б) Название *inkeroiset* зафиксировано автором только как локальное название финнов прихода *Inkere* (по модели *Tuutari > tuutaroiset, Venjoki > venjokkoiset* и др.), и нигде в качестве названия ижор — ни как самоназвание, ни как экзоэтноним. Название хэваских ижор *ingeroin*, еще известное в 1950-х гг.¹⁹, было зафиксировано только у данной локальной группы.

В) Этноним *inkerikko* (мн. ч. *inkerikkoloi*) фиксировался автором в северной и центральной Ингерманландии как экзоэтноним (название ижор со стороны финского населения) и нигде — в качестве самоназвания ижор. В западной Ингерманландии, где ижоры проживают компактно, этноним *inkerikko* не зафиксирован. В частности, это значит, что употребление в нормативном финском этнонимов-ярлыков *inkerikko / inkeroiset* не соответствует реальным этнонимам ижор²⁰. Возможно, финская традиция называть ижор *inkerikko / inkeroiset* отражает ситуацию XIX в. — но похоже, что это верно только для некоторых локальных групп. Выше показано, что русский этноним *ижоры* также не соответствует эндоэтнонимам ижор. Это

¹⁹ Inkeroismurteiden sanakirja. S. 94 (*ingeroin*). См. также: Laanest A. Näiteid isuri keele Heva murdest // Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused=Труды Института языка и литературы. Tallinn, 1958. Osa II. lk. 167–174; Laanest A. Isuri keele Hevaha murde sõnastik. Tallinn, 1997. lk. 46 (*ingeroin*).

²⁰ Понятие «этнонимы-ярлыки» автор использует в значении «этнонимы, принятые в официальном употреблении» (в том числе в научном обороте), отличные от местных этнонимов, как напр. *водь* (местные русские экзоэтнонимы *чудья* и *ижоры*).

означает, что принятое в литературе соответствие *inkeroiset / inkerikot* — ижоры также является условным.

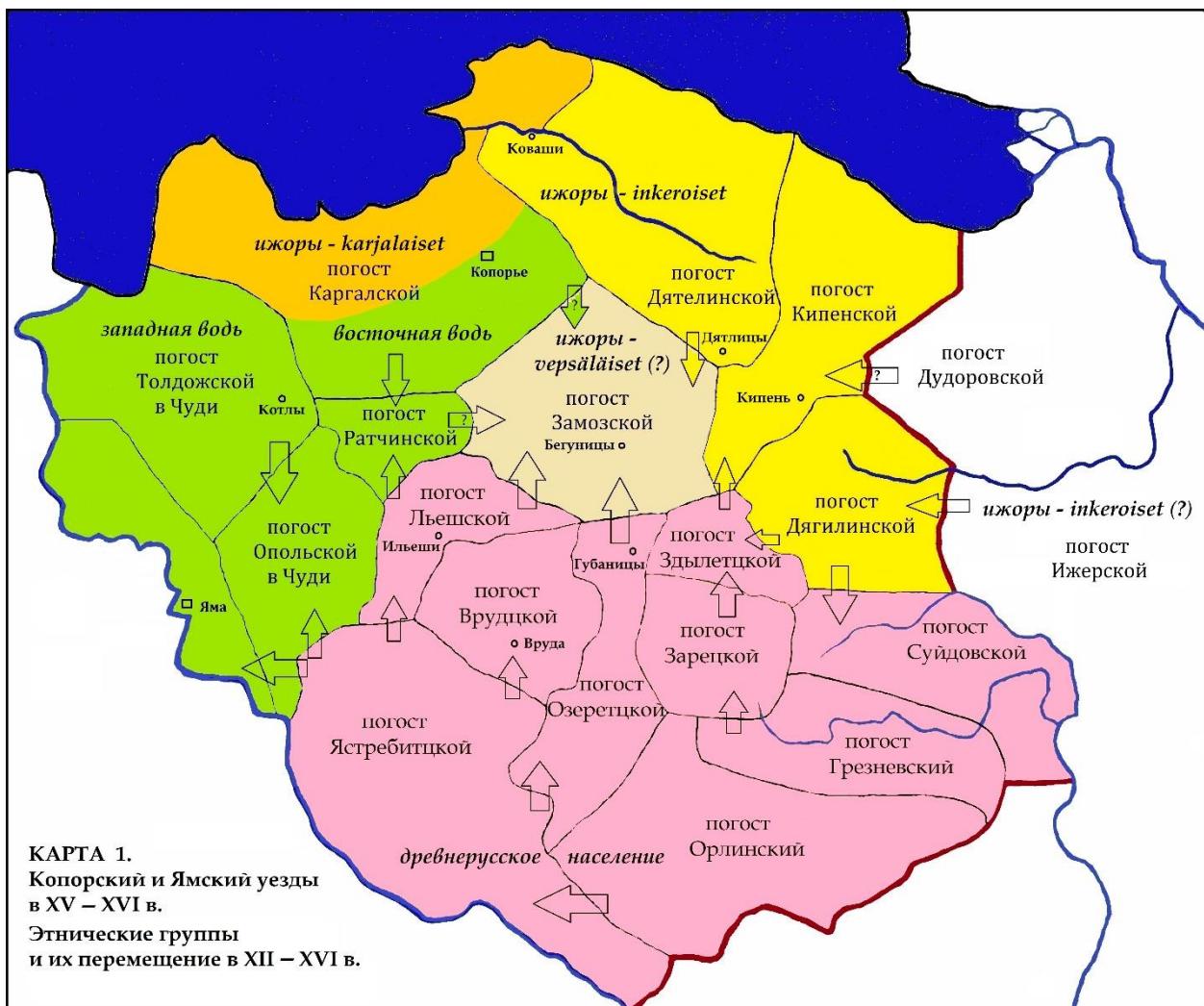
Г) этноним *karjalaiset* и лингвоним *karjalan keel'* признавались в качестве самоназвания и названия своего языка старшим поколением сойкинских и систинских ижор, тогда как представители не только нижнелужских, но и хэваских ижор отказывались от них. Исходя из сказанного выше, автор предположил отсутствие этнического единства между различными группами ижор в обозримом прошлом²¹.

Здесь надо сказать подробнее о локальной группе систинских ижор. Впервые локальные и диалектные группы ижор обозначил В. Поркка (1885), позже сходное деление предложил А. Лаанест (1966). В последнем случае систинские и сойкинские ижоры объединены в одну группу. Видимо, это оправдано в языковом отношении, однако в остальном между этими группами была существенная разница, обусловленная, главным образом, географическим положением. Систинские ижоры не занимались морским рыболовством (кроме д. Урмизно), они не были изолированы от русского населения окрестностей Копорья, и в большей мере подверглись влиянию русского языка и собственно обрусению, которое шло со стороны Копорья. По сведениям автора, ижорские деревни в окрестностях Копорья (Копорки, Лужки и др.) в 1920-х гг. были совершенно обруссевшими. Тем не менее вполне очевидно, что ижоры побережья Финского залива в прошлом представляли единство в языковом и этническом отношении. Это единство выявляется в виде очертаний существовавшей в XV–XVII в. административной единицы — Каргальского погоста, в названии которого звучит *Karjala* — основа этнонима сойкинских и систинских ижор, записанного автором в различных фонетических вариантах, в том числе *kar'b'alaiset* и *kar'ž'alaizet*²². Таким образом, Каргальский погост охватывает ареал ижор, в XIX–XX вв. называвшихся *karjalaiset* (хотя в Каргальский погост входили также деревни

²¹ Крюков А. В. Что стоит за этнонимом «ижоры»? // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России». Материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск, 2014. С. 36–39.

²² Полевые материалы автора (приведенные формы этнонима записаны у систинских ижор).

восточной води)²³. Создается впечатление, что этноним *karjalaiset* и лингвоним *karjalan keel'* принадлежали, в первую очередь, локальной группе, расселенной вдоль побережья Финского залива (см. карту 1).

КАРТА 1. Которозский и Ямский уезды в XV–XVI вв. Ареалы этнических групп в XII–XVI вв.

Границы погостов — на основании «карты Архимандрита Сергия» (1905) и Писцовой книги Водской пятини 7008 (1500 г.). Сухопутная граница Которозского уезда показана коричневой линией. Предполагаемый этнический состав населения (на XII–XVI вв.) показан цветом. Стрелками показаны вероятные направления движения населения (XII–XIII вв.).

Начиная примерно с 1991 г. в окрестностях Которья автор неоднократно слышал упоминания о «верпсах». Эти сообщения не казались автору чем-то заслуживающим внимания, и им не придавалось значения. Можно было

²³ Переписная окладная книга Вотской пятини, 1500 года. Первая половина // Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. СПб., 1868. Том 3. С. 494–553 (Каргалский погост).

думать, что собеседник путает вепсов и водь, либо что человек слышал о вепсах и вспомнил о них не к месту, либо что где-то недалеко живет некий представитель вепсов. Разговор происходил во всех случаях на русском языке (носителей прибалтийско-финских языков в этой местности к тому времени практически не было), и этноним звучал в русской форме — *вепсы*. Так или иначе, подобные сообщения не фиксировались, поскольку автор *a priori* предполагал ошибку.

Отношение автора к сообщениям о «вепсах» изменилось, когда однажды (в 1999 г.) Николай Яковлев, родом из д. Накково, ижор, в ответ на вопрос автора (по-фински) о названии родного языка, уверенно ответил, что ижорский язык — *karjalan keel* ‘карельский язык’ и что ижоры в его местности (т. е. систинские) назывались *karjalaižet* ‘карелы’, а затем пояснил, что ижоры не все *karjalaižet*, а есть еще *vepsäläiset*, они тоже ижоры, их деревни находятся за Копорьем (т. е. к востоку от Копорья)²⁴. Информант показал ясную память и живой ум, а также знание родного языка, местности и этнонимов. На уточняющие вопросы автора он весьма определенно ответил, что эти *vepsäläiset* не вепсы и не *чудья* (т. е. не водь). Деревни восточной воды около Копорья он назвал *чудейскими*. Таким образом, смешение упомянутых информантом *vepsäläiset* с вепсами и водью было в данном случае исключено.

После данного сообщения автор понял, что за сообщениями об «вепсах» стоит нечто реальное и решил попытаться найти местообитание гипотетических ижор-*vepsäläiset*. Безусловно, такое предположение вызывало определенный скепсис, поскольку никто из филологов, посещавших ижор на протяжении 150 лет, не описал и, по-видимому, не заметил ничего подобного. Вместе с тем, находки автора в плане изучения ономастики финнов и ижор позволяли думать о том, что открыто еще далеко не все.

Прежде всего внимание автора привлекло название села Коваши — центра ковашских (хэваских) ижор — по-ижорски оно называется *Vepsä*. В дальнейшем (в 1999 г. и позже) автор посещал село Коваши и соседние деревни с целью изучения антропонимии и топонимии местных ижор.

²⁴ Полевые материалы автора (Николай Яковлев, 1921 г.р., записано в д. Арболово).

Хэваского диалекта в живом употреблении автор уже не застал. Известное из источников XIX и XX вв. самоназвание *ingeroin* было совершенно забыто и неизвестно. Этноним *karjalain* (мн. ч. *karjalaizet*) местные ижоры отвергали, поясняя, что так называли сойкинских ижор. Самоназвания ковашских ижор, записанные автором — *venäläiset* ‘русские’ (конфессионим) и *hevaroiset* (топоэтноним), а местное название «ижорского языка» — *чухонский язык / soomen keeli*. Предположение о связи этнонима *verpsä* с хэваскими ижорами в целом не нашло подтверждения, хотя жители села Коваши могли называть *verpsäläin*, по модели *Koskove > koskelain*, *Ojuve > ojalain* и т. д.²⁵

В дальнейшем, при обследовании деревень северной части Волосовского района (Теглицы и др.), население которых по данным XIX в. составляли ижоры, вновь были получены сообщения о некогда бывшей в этих деревнях народности *wepsa*. Это было тем более удивительно, что информанты автора (местные жители) не знали о том, что их предков в XIX в. считали ижорами.

О теглицкой группе ижор известно мало. Согласно Кёппену (1854), ижоры составляли все население д. Теглицы и Русские Лашковицы, почти все население д. Рукулицы, большинство населения д. Коростовицы и меньшую часть населения д. Радицы.²⁶ «Список населенных мест» (1864) называет в числе деревень, где жили ижоры, дополнительно Местаново и Карстолово²⁷. «Историко-статистические сведения о С. Петербургской епархии» (1885) показывают ижор также в д. Старые Бегуницы и Стойгино²⁸. Видимо, ижоры составляли также часть населения д. Русские Голубовицы и Финские Голубовицы²⁹. Церковная принадлежность ижор теглицкой группы менялась

²⁵ Полевые материалы автора (записано в с. Коваши от местных жителей и от бывших жителей д. Тентелево, Ломоносово и Шипкино).

²⁶ [Кеппен П.] Селения, обитаемые ижорами. в С.-Петербургской губернии. [СПб.], [1854]. С. 414.

См. также: *Köppen P., von. Erklärender Text... S. 38.*

²⁷ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1864. Вып. XXXVII. Санктпетербургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 года. См. раздел «Общие сведения о губернии», с. XVIII (№ 3834–3837). В числе деревень, где жили ижоры, названы Местаново (3836) и Карстолово (3842).

²⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10. С. 47.

²⁹ Полевые материалы автора («Ижорский конец» в д. Русские Голубовицы, православные финны в д. Финские Голубовицы).

— с 1825 г. в Теглицах была своя церковь³⁰, однако в 1880-х гг. деревни теглицкой группы ижор показаны в составе православного прихода в Бегуницах. Как видно, ижоры составляли население северной части бегуницкого прихода, причем Теглицы — самое периферийное селение — было подобием альтернативного религиозного центра этой группы ижор.

В деревнях, составлявших теглицкую группу ижор, автор не встретил никакого следа ижорских диалектов, за исключением топонимов. Коренные жители считали себя русскими, в большинстве деревень данной группы говорили только по-русски и не показывали никаких признаков владения каким-либо другим языком. В д. Коростовицы и Радицы, где часть населения составляли финны, местные русские (старшее поколение) владели финским языком как родным и не отмечали разницы в речи с местными финнами. То же самое можно сказать о д. Старые Бегуницы, где информантами автора были только финны. Характерно, что обрусовшими были все деревни теглицкой группы ижор, где не было финского населения. Однако именно в д. Теглицы и Местаново автором записаны сообщения о бывшей в этих деревнях народности *вепса*. Упоминания о народности *вепса* в качестве своих прямых предков записаны автором также от жителей д. Зябицы (которую ни один из источников не относит к ижорским). Таким образом, вырисовывается ареал упоминаний о народе *вепса* (Местаново — Зябицы — Теглицы), к которому прилегают соседние обрусовшие деревни Русские Лашковицы и Рукулицы, где ничего подобного автору не сообщали, как не знали и о том, что их предки были «ижоры».

Еще позже (в 2004 и 2007 гг.) сообщения о народности *вепса* были записаны автором от бывших жителей деревень Савольщина и Мартыново (Ломоносовский район). В обоих случаях разговор происходил вдали от их родных мест. Информанты автора, возраст которых превышал 90 лет, говорили только по-русски, но знали, что в их родных деревнях в прошлом говорили *по-чухонски* и эти люди назывались *вепса*.

Обратим внимание на географию сообщений о народности *вепса*. Обрусовшие ижорские деревни теглицкой группы соседствуют с ныне исчезнувшим массивом ижорских деревень южного края Ломоносовского района, в который входили Глобицы, Горбовицы и др. (см. карту 2). По всей

³⁰ Земля Невская Православная: Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Краткий церковно-исторический справочник. СПб., 2000. С. 91.

видимости, ни В. Поркка, ни другие финские филологи не посещали эти деревни, вследствие чего их диалект остался нам неизвестным.

КАРТА 2. Бегуницкая, Глобицкая, Мёдущская и Теглицкая локальные группы ижор в XIX — начале XX в.

Этнический состав населения — на основании данных XIX–XX в. Желтый кружок — деревни с ижорским населением (обрусевшие ижоры). Желтый кружок с черной точкой внутри — деревни с финским и ижорским населением (суманизированные ижоры). Зеленый кружок — деревни восточной воды. Белый кружок — деревни, население которых считалось полностью русским (возможно, в некоторых деревнях это ранее обрусевшие ижоры). Белый кружок с черной точкой внутри — финские деревни без ижор (в том числе деревни с финским и русским населением). Флагом показаны деревни, к которым относятся упоминания о народности *vepsä*.

Характерно, что и финские фольклористы, записавшие много песенного материала у ковашских ижор, и в ижорских деревнях по р. Рудице (по сведениям автора, в 1920-х гг. уже обрусевших, т. е. полностью перешедших на русский язык), не записали ничего ни в деревнях теглицкой группы ижор, ни у

ижор Глобицкого прихода (Глобицы, Горбовицы и др.)³¹. Вернее всего, это обстоятельство говорит о раннем обрусении ижор данной местности. На раннее обрусение теглицкой и глобицкой групп ижорских деревень (XIX в.) указывает и то, что об этнониме *vepsa* / *vefsä* у ижор до сих пор ничего не было известно.

Кем же в действительности были жители теглицкой группы деревень и соседних с ними деревень Глобицкого прихода, которых в XIX в. считали ижорами, и которые в конце XX в. и даже в начале XXI в. говорили автору о местных «вепсах»? Исходя из вывода автора об условности этнонима «ижоры», можно предположить существование в прошлом в обозначенной местности отдельной этнической группы, близкой другим группам ижор — или, возможно, води.

Насколько вообще возможно существование отдельной никем не замеченной этнической (либо локальной) группы прибалтийско-финского населения вблизи Петербурга? Жизнь показывает, что это вполне реально. Можно думать, что церковнослужители и русское население (с. Большие Бегуницы, д. Большое Тешково, д. Синковицы и др.) считали финноязычных православных «ижорами», не вникая в частности. В остальном эти «ижоры» не привлекали ничьего внимания, как и некоторые другие этнолокальные группы — как например, пятницкая группа води³².

В этой связи интересны сведения XIX в., по которым жители д. Коростовицы — «карелы, впрочем знающие русский язык»³³. Название «карелы» может означать «ижор-*karjalaiset*». Вместе с тем, по сообщению информантов автора, русские жители Коростовиц — «в седьмом поколении

³¹ Salminen V. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät. В тексте книги указаны места, где были сделаны записи, и обычно даны сведения о том, откуда родом были сказители. Большим количеством записей представлены Ковапи (*Vepsä*), Мёдуши (*Medussi*), Рудицы (*Ruitsa*). См. также карту в конце книги. Из текста и карты видно, что ареалы теглицких ижор а также ижор к западу от Лопухинки и Мёдуши до Копорья представляет собой «белое пятно», где фольклористы не были или во всяком случае ничего не записали.

³² Крюков А. В. Малоизвестная группа постэтнической води в Кингисеппском районе Ленинградской области // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3: Шестые Шёгреновские чтения: Сборник статей и тезисов докладов. СПб., 2014. С. 52–65.

³³ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10. С. 355 (см. Спасская Чирковицкая церковь).

vatjalaiset,³⁴ т. е. потомки воды, утратившие водский язык и этничность, говорившие по-фински и по-русски. Как объяснить это противоречие? Мы знаем, что *vatjalaiset* — лингвоэтноним («говорящие по-водски»). В случае перехода на ингерманландско-финский диалект потомков воды называли «русскими» (*venäläiset* / *vellaset*) в значении «православные», как было в д. Караваево, Кикерицы, Чухонская Рассия и т. д.³⁵ Почему же в данном случае их считали «карелами»? Учитывая местоположение деревни (12 км до ближайших деревень восточной воды), нельзя исключить их водское происхождение. Означает ли известие о «карелях» в Коростовицах промежуточный этап смены языка — с водского на ижорский диалект — *karjalan keel'*, а позже на ингерманландско-финский диалект? По историческим свидетельствам и сообщениям информантов автора, переход населения целой деревни с одного близкородственного языка (диалекта) на другой в течение жизни одного поколения — вполне реален³⁶. В течение жизни двух поколений вполне могло быть две смены языка (диалекта). Таким образом, «ижорами» и «карелами» вполне могли называть «чудей» (водь), перешедших на другой родственный язык (или диалект).

Поскольку наши сведения о «вепсах» в составе ижор исчерпываются представленными выше сообщениями, перейдем к умозрительным построениям. На большей части Ижорской возвышенности (кроме ее окраин) практически нет источников воды — озер, рек, ручьев и родников, характерные полузакрытые ландшафты имеют определенно антропогенное происхождение. Эти и другие природные особенности (в т. ч. почвы и растительность) позволяют думать, что около тысячи лет назад Ижорская возвышенность была покрыта лесом и необитаема. Заселение Ижорской возвышенности было связано с ее земледельческим освоением, начавшимся,

³⁴ Полевые материалы автора (сообщение Анны Грибовской, р. 1918, д. Коростовицы).

³⁵ Полевые материалы автора (записано непосредственно в названных деревнях).

³⁶ Оллыкайнен В. М. Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка: Говоры вуолэ и колтушский = Pohjois-Inkerin murresanakirja: Vuoleen ja Kelton murresanastoa. [Петрозаводск]; [Helsinki], 2003 (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, 127). С. 51 (*huastaa*), 182 (*luatii*). См. также: Krukov A. Hyö huastoit, a myö luaimmo // Inkeri. 2012. № 2 (077).

очевидно, с ее окраин. Об этом говорит, в частности, местное название Ижорской возвышенности — *Земельщина* (водск., иж., фин. *Maa*)³⁷. Археологические памятники Ижорской возвышенности (XII–XIV вв.), отражают, вероятно, эпоху заселения данной территории. Земледельческое освоение закономерно привело к появлению характерных для Ижорской возвышенности полузакрытых ландшафтов — сведение лесов продолжалось местами до XIX в.³⁸ Освоение Земельщины водской народностью началось, видимо, с северо-западного края Ижорской возвышенности — *Горщины* (линия Котлы — Копорье) — и привело к появлению открытой местности — Ополья в Чуди. Дальнейшее проникновение воды на Ижорскую возвышенность столкнулось со встречным движением древнерусской народности (с юга), а также другой прибалтийско-финской народности (условно, «ижор-*inkeroiset*») — с востока, т. е. со стороны реки Ижоры, и вероятно, еще одной родственной народности (возможно, «ижор-*karylaiset*») — с севера, со стороны Глобиц³⁹. В результате Ижорская возвышенность была более-менее равномерно заселена, на ней сформировалось смешанное в этническом отношении население, причем водский компонент присутствовал главным образом в ее западной части (Опольевский и Толдожский погосты в Чуди), где водское население было еще в XIX в. Поскольку *чудь* — местное название воды, т. е. оба названия — летописное и современное — относятся к одной народности, то предложенное Е. Рябининым рассмотрение «води» и «чуди» как разных народностей, и выделение «Водской земли», отдельной от погostов «в Чуди»⁴⁰, выглядит искусственным и теряет смысл. Совершенно ясно, что «Водская земля» — это не Земельщина, а именно погосты «в Чуди» —

³⁷ Крюков А. В. Западная Ингерманландия: этническая история в зеркале топонимики // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: Дополнительные материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2006. С. 255–257.

³⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10. С. 56.

³⁹ Крюков А. В. Земельщина и вода: К вопросу о формировании этнокультурных зон в Западной Ингерманландии // Народное зодчество: Межвузовский сборник: Материалы международной научно-практической конференции «Забытое наследие. Как спасти деревянное зодчество России», посвященной 100-летию академика Д. С. Лихачева. Петрозаводск, 2007. С. 474.

⁴⁰ Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. С. 11–13.

в противном случае мы получаем «Водскую землю» за пределами этнической территории воды, что абсурдно. В целом можно полагать, что исходные места проживания воды и ижор находятся за пределами Земельщины (воды — в Горщине и Подгорщине, ижор — в бассейнах р. Ижоры и Коваш), а поселения воды и ижор и воды на Земельщине возникли намного позже — не ранее XII–XIII в. (см. карту 1).

В отношении теглицких ижор можно предполагать большую давность существования данной группы поселений — во-первых, она расположена ближе к краю Ижорской возвышенности (т. е. к исходному пункту освоения Земельщины), во-вторых, здесь есть два крупных озера (Теглицкое и Заозерское), которые могли не только привлечь древних людей, но и стать центром возникновения куста поселений. Древние могилы («курганы») у д. Теглицы В. Седов относит к XIII–XIV вв. и считает их древностями воды⁴¹, что весьма условно, поскольку предложенная атрибуция опирается на идею о расселении ижор в западном направлении по южному берегу Финского залива (из бассейна р. Невы)⁴² — хотя, в общем, нет данных о том, что такое движение вообще когда-либо имело место. В принципе, отнесение археологических памятников в окрестностях Теглиц к води (согласно Седову) или к ижoram (опираясь на сведения XIX в.) не принципиально, учитывая условность этнонима *ижоры*.

Исторические сведения о данной местности скучны. Фактически есть один подробный источник — Писцовая книга Водской пятини 1500 г. Из нее мы знаем, что в XV–XVI вв. вся Ижорская возвышенность входила в состав Копорского уезда. Ареал теглицкой группы ижор находился в пределах Ильинского Замозского погоста с центром в Бегуницах (см. карту 1). Многие ойконимы Замозского погоста соотносятся с известными нам в XIX–XX вв. селениями, как напр. Бегуницы, Бронцевичи (совр. Ронковицы), Брызговичи (совр. Брызгово), Глазковичи (совр. Лашковицы), Глобицы, Клопицы, Коростовичи, Медуша, Поддубье, Рыкулицы (совр. Ракулицы), Свинковичи

⁴¹ Седов В. В. Ижора. С. 38.

⁴² Там же. С. 43.

(совр. Синковицы), Смедово, Тешковичи (совр. Тешково) и др.⁴³ Изучение приведенных в писцовой книге личных имен и ойконимов создает впечатление, что местное население было в основном русским, либо уже сильно обрусевшим — во всем Замозской погосте встречается только один ойконим прибалтийско-финского типа (Суйжела), личных имен прибалтийско-финского типа единицы (Рохно Михалев и Матюк Лентьев, д. Суйжела). Впрочем, писцевая книга 1500 г. не дает достаточных оснований для выводов об этническом составе населения — также и потому, что в описании Замозского погоста есть пропуски⁴⁴.

Шведский источник начала XVII в. показывает Замозский погост сильно обезлюдованным — в частности, в 1618–1623 годах деревни *Klopitzä By*, *Kotino By*, *Techlitzä By*, *Säbitzä By*, *Slepina By*, *Volgineuo By* не имели населения, тогда как другие — *Antossa By*, *Kinalitzä By*, *Klässina By*, *Laschowitzä By*, *Mestanoima By*, *Modolitzä By*, *Rikulitzä By*, *Saoserie By* и другие — были обитаемыми⁴⁵. Все крестьяне в названных деревнях имели русские имена и прозвища — что, впрочем, не дает оснований утверждать, что они были русскими⁴⁶. Можно думать, что позже (во второй половине XVII в.) опустевшие деревни были заселены другими «ижорами» — из соседних деревень, либо из других мест. В целом надо признать, что скудные и неполные исторические сведения не дают ответа на вопрос о происхождении ижор теглицкой группы деревень.

Ввиду отсутствия сведений об исчезнувшем языке ижор теглицкой группы обратимся к топонимии. В Ингерманландии известен один ойконим *Vepsä* — это название главного села хэваских ижор (Коваша). Кроме того, у самых границ Ингерманландии (за ее пределами) было еще два ойконима, образованных от той же основы — д. Вепса (*Vepsa*) в волости Рауту и Вепскюла (*Vepsküla*) на левом берегу р. Нарвы. О д. Вепса в Рауту известно, что

⁴³ Переписная оброчная книга Вотской пятини, 1500 года. С. 569–601 (см. Погост Ильинской Замозской в Бегуницах).

⁴⁴ Там же. С. 583 (примечания).

⁴⁵ Писцовые книги ижорской земли. СПб., 1859. Т. I. Годы 1618–1623. С. 81–100.

⁴⁶ Там же. С. 91, 94, 96–99. В указанный промежуток времени (1618–1623) Замозский погост включал также группы ижорских деревень по р. Рудице и Коваш, а также у Мёдуш и Глобиц, при этом приведенные в писцовой книге имена крестьян почти исключительно русского типа — хотя они, очевидно, ижоры.

в середине XIX в. там жили ижоры⁴⁷, и что в 1930-х гг. там было несколько семей православных (*venäjänuskoiset* ‘верующие по-русски’), которые в остальном не отличались от местных финнов⁴⁸. Таким образом, ойконим *Vepsä*, возможно, связан с ижорами. Об этническом составе д. Вепскула вблизи Нарвы у нас нет сведений, но учитывая, что окружающее население в XIX в. было эстонским, а совсем рядом находится ареал нижнелужских ижор, можно и в этом случае предположить связь данного ойконима с ижорами.

Ойконимы, образованные от этнонимов, естественным образом возникают в иноэтническом окружении, как напр. *Inkeri* (Собинки) в ареале систинских ижор («ижоры-*karjalaiset*»), *Vainkylä* (Чудиново) в группе ижорских деревень Дятлицкого прихода, *Vironkylä* (Вероланцы) в окружении финских деревень Ижорской возвышенности, а также целый ряд ойконимов типа Ижора / Ижорка (в прошлом — ижорские селения в финском и русском окружении). Аналогично, ойконимы *Vepsä*, *Vepsä* и *Vepsküla*, находящиеся вне ареала предполагаемой этнической группы *vepsä*, логично видеть образованными от этнонима — тем более что другого значения лексемы *vepsä* / *vepsä* мы не знаем.

Следующий вопрос — как связан этноним *vepsä* / *vepsä* у ижор с собственно вепсами. Известно, что этноним *veps* / *beþs* был в употреблении только у части вепсов, хотя этноним *vepsä* был известен и за пределами области вепсов (прежде всего олонецким и тверским карелам)⁴⁹. Исследователи вепсов отмечают, что *vepsä* — лингвоэтноним.⁵⁰ При этом топонимы с основой *veps* есть и в Северном Приладожье и на Карельском перешейке, в восточных областях Финляндии (южное Саво, северное Саво, северное Хяме, северная Карелия), а также на юге и западе Финляндии. Происхождение этих топонимов традиционно объясняют миграцией, что едва ли возможно подтвердить. Есть версия, что топонимы с основой *veps* относились к водным и сухопутным разграничительным знакам⁵¹.

⁴⁷ Köppen P., von. Erklärender Text... S. 43.

⁴⁸ Полевые материалы автора (сообщение Хилды Лаллукка, до 1940 г. жившей в д. Вепса волости Рауту).

⁴⁹ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 7.

⁵⁰ Grünthal R. Livvistä liivin: Itämerensuomalaiset etnonyymit. Helsinki, 1997. (Castrenianumin toimitteita, 51). S. 97.

⁵¹ Ibid. S.100–101.

Обратим внимание на фамилии *Vepsä* и *Vepsäläinen*, представленные в Финляндии немалым числом носителей — 1784 человек (*Vepsäläinen*) и 464 человека (*Vepsä*).⁵² Старейшие известия о фамилии *Vepsä* (XVI в.) относятся к волостям Карельского перешейка (*Jääski*, *Kivennäpa*, *Muolaa*, *Uusikirkko*, *Viipuri*), Саво (*Juva*, *Pellosniemi*, *Rantasalmi*, *Sääminki*, *Tavinsalmi*) и Похьянмаа (*Pattijoki*), фамилии *Vepsäläinen* — к финляндской Северной Карелии (*Suonenjoki*, Тиуропаара). В XVII в. носители фамилий *Vepsä* и *Vepsäläinen* были в *Hiiutola*, *Impilahti*, *Suistamo* — откуда, как считается, они распространились в Саво и Северную Карелию⁵³. Вырисовывается картина распространения носителей фамилии *Vepsä*, исходным пунктом которого оказывается западная часть Карельского перешейка с Выборгом. Присутствие ойконима *Vepsa* и фамилии *Vepsä* на Карельском перешейке в XVI в. больше похоже на местное явление, чем на следствие миграции. В то же самое время православные носители фамилии *Vepsäläinen* в Тиуропаара (*Teresko Vepseläinor*, XVI в.) и в *Impilahti* (*Iwan Wäpsäläinen*, XVII в.)⁵⁴ едва ли могли быть связаны с *Vepsa* / *Vepsä* на Карельском перешейке, да и направление предполагаемой миграции неясно. Складывается впечатление, что имена с основой *veps* возникли в разных местах независимо друг от друга.

Обнаруженный ижорский этноним *vepsä* территориально примыкает к ареалу онимов (фамилии и топонимы) *Vepsä* / *Vepsa* Карельского перешейка, Северного Приладожья и Финляндии. Вопрос об их связи с наименованием собственно вепсов, несмотря на неоднократные попытки решения⁵⁵, не получил однозначного ответа. В этом контексте наличие этнонима *vepsä* у ижор скорее указывает на культурно-языковое сходство различных групп древнего прибалтийско-финского населения — и, кроме того, существенно расширяет наши представления об ижорах.

⁵² Nimipalvelu [Электронный ресурс]. URL: <https://nimipalvelu.dvv.fi/sukunimihaku> (дата обращения: 12.05.2025).

⁵³ Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki, 2000. S. 737.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ См., например: Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica. 1980. Vol. 10. S. 21–98; Напольских В. В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 28–33.

Фото 1. Теглицы. Ландшафт. Фото автора (2025).

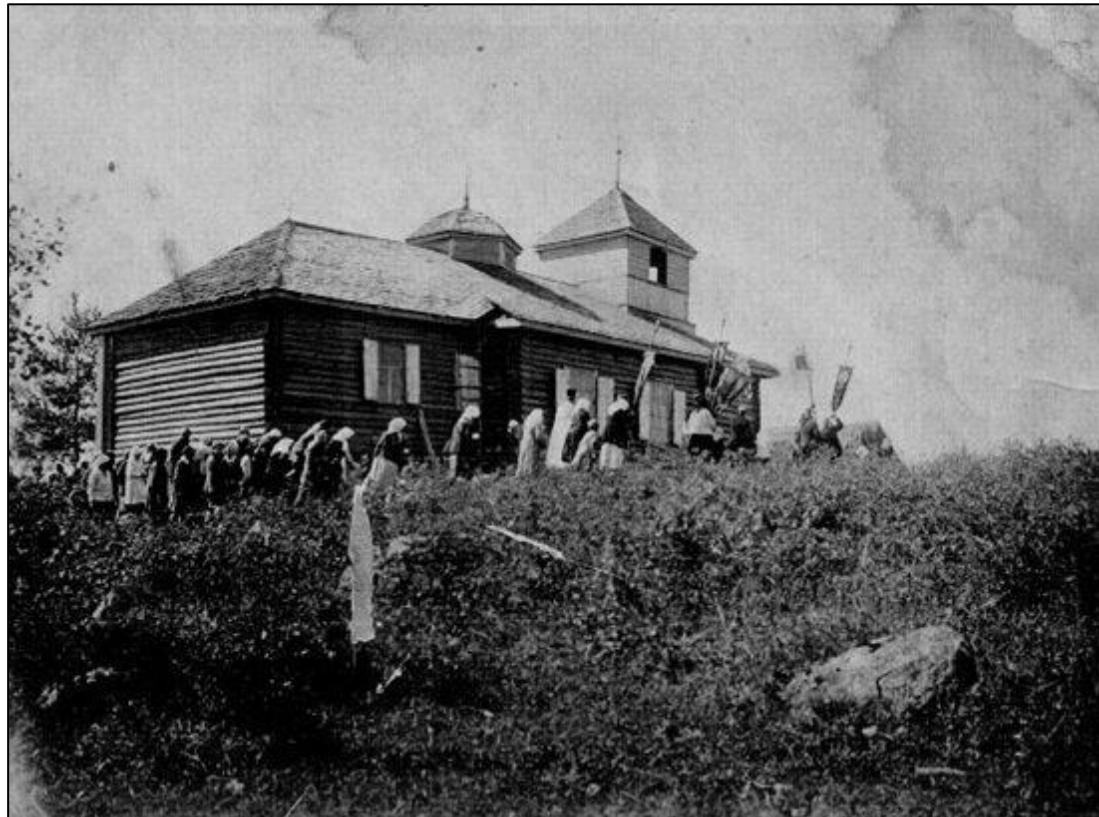

Фото 2. Теглицы. Церковь и крестный ход. Фото 1930-х гг.

Список литературы

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
2. Земля Невская Православная: Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Краткий церковно-исторический справочник. СПб.: Православная Русь, 2000. 199 с.
3. Крюков А. В. Западная Ингерманландия: этническая история в зеркале топонимики // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: Дополнительные материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006. С. 255–257.
4. Крюков А. В. Ижоры Карельского перешейка в XX веке // «Нет родной сторонки краше...»: Сборник статей и материалов научно-просветительской конференции, посвящённой 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины великой ижорской сказительницы Ларин Параске (1834–1904). СПб.: Издательский дом «Инкери», 2006. С. 62–92.
5. Крюков А. В. Земельщина и водь: К вопросу о формировании этнокультурных зон в Западной Ингерманландии // Народное зодчество: Межвузовский сборник: Материалы международной научно-практической конференции «Забытое наследие. Как спасти деревянное зодчество России», посвященной 100-летию академика Д. С. Лихачева. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2007. С. 465–486.
6. Крюков А. В. Водь или чудь? // Язык и традиционная культура русского Северо-Запада: Сборник статей памяти Лиодии Яковлевны Петровой. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. С. 175–198.
7. Крюков А. В. Малоизвестная группа постэтнической воды в Кингисеппском районе Ленинградской области // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3: Шестые Шёгреновские чтения: Сборник статей и тезисов докладов. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 52–65.

8. Крюков А. В. Что стоит за этнонимом «ижоры»? // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: Материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2014. С. 36–39.
9. Крюков А. В. Ижоры Центральной Ингерманландии в XX веке // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые Международные Шёгреновские чтения: Сборник статей. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2018. С. 78–91.
10. Лаанест А. Ижорские диалекты. Таллин: Изд. АН ЭССР, 1966. 179 с.
11. Напольских В. В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 28–33.
12. Народы России: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. 479 с.
13. Оллыкайнен В. М. Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка: Говоры вуолэ и колтушский = Pohjois-Inkerin murresanakirja: Vuoleen ja Kelton murresanastoa. [Петрозаводск]: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН; [Helsinki]: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2003. XVII, 421 s.
14. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. 264 с.
15. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. 260 с.
16. Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 259 с.
17. Седов В. В. Ижора // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 42–43.

18. Grünthal R. Livvistä liiviin: Itämerensuomalaiset etnonyymit. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Laitos, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. 283 s. (Castrenianumin toimitteita, 51).
19. Inkerikot, setot ja vatjalaiset: Kansankulttuuri, kieli ja uskomusperinteet / Toim. K. Kallio, R. Grünthal ja L. Saressalo. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2021. 504 s.
20. Inkeroismurteiden sanakirja / Toim. R. E. Nirvi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971. XVI, 730 s.
21. Laanest A. Näiteid isuri keele Heva murdest // Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused=Труды Института языка и литературы. 1958. Osa II. Lk. 167–174.
22. Laanest A. Isuri keele Hevaha murde sõnastik. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1997. 233 lk.
23. Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki: Otava, 2000. 895 s.
24. Nimipalvelu [Электронный ресурс]. URL: <https://nimipalvelu.dvv.fi/sukunimihaku> (дата обращения: 12.05.2025).
25. Salminen V. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät // Suomen kansan vanhat runot. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1931. Vol. V. Itä- ja Pohjois-Inkerin runot. Osa 3. Parasken runot ja loitsut. Toisinnot 1–1343. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät. S. 526–649.
26. Suomen kansan vanhat runot. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1915. Vol. III. Länsi-Inkerin runot. Osa 1. Toisinnot 1–1250. 670 s.; 1916. Osa 2. Toisinnot 1251–2580. 734 s.; 1924. Osa 3. Toisinnot 2581–4634. XLIX, 783 s.; 1925. Vol. IV. Keski-Inkerin runot. Osa 1. Toisinnot 1–1503. 638 s.; 1926. Osa 2. Toisinnot 1504–2762. 672 s.; 1928. Osa 3. Toisinnot 2763–4807. 780 s.; 1929. Vol. V. Itä- ja Pohjois-Inkerin runot. Osa 1. Kertovaiset runot. Toisinnot 1–1354. XI, 672 s.; 1930. Osa 2. Tunnelmarunot ja loitsut. Toisinnot 1–2699. 812 s.; 1931. Osa 3. Parasken runot ja loitsut. Toisinnot 1–1343. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät. LXIV, 649 s.
27. Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica. 1980. Vol. 10. S. 21–98.

28. Öpik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul: Etnograafilisi ja lingvistikilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses / Toim. A. Viires. Tallinn: Valgus, 1970. 206 lk.

KRIUKOV Alexei V.

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Russia, Saint Petersburg
kauko@mail.ru

ON THE ETHNONYM *VEPSÄ* BY THE IZHORIANS

Abstract: The author presents on his own field materials of the late 20th — early 21th centuries a motley ethnonymic situation at Izhorians. It has been shown that individual local groups of Izhorians are marked with specific exo- and endoethnonyms, indicating a lack of ethnic unity between these groups in the foreseeable past. The author revealed the existence of a separate group of Izhorians in western Ingermanland (Volosovskii and Lomonosovskii districts of the Leningrad region) with the self-name *vepsä* / *vepsäläiset* 'Vepsians'. This group and the ethnonym marking it did not come to the attention of researchers, due to early russification. The long existence of this group of russified Izhorians settlements is proved, confirmed both topographically and by historical sources. The legacy of the term *vepsä* / *vepsäläinen* is preserved in toponyms and surnames, and on a much wider territory than Izhora proper. The question of the relationship of the ethnonym *vepsä* / *vepsäläinen* in Izhora Upland and elsewhere remains open.

Keywords: Vepsians, Votians, Izhorians, Ingrian dialects, Ingria toponyms, ethnonyms.

Acknowledgments: The author thanks Arvo Survo, Veronika Makhtina, Andrei Ridal', Mikhail Braudze for the help in preparing this article

For citation: Kriukov A. V. On the Ethnonym *Vebsä* by the Izhorians. *Studia Nordica*, 2025, No. 1, pp. 84–109. DOI: 10.17076/sn4

References

1. *Civil war and military intervention in the USSR: encyclopedia*. 2nd ed. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1987. 720 p.
2. *Neva Orthodox Land: Orthodox churches of suburban areas of St.-Petersburg and the Leningrad region: A brief church history guide*. St-Petersburg, Orthodox Russia, 2000. 199 p.
3. Kryukov A. V. *West Ingermanland: ethnic history in the mirror of toponymy* // Northern Europe in the 21st century: nature, culture, economy: Additional materials of the international conference dedicated to the 60th anniversary of KarRC RAS

(October 24–27, 2006, in Petrozavodsk). Petrozavodsk: Publishing House of KarRC RAS, 2006, pp. 255–257.

4. Kryukov A. V. *Izhora of Karelian Isthmus in the twentieth century* // "No native side is more beautiful...": Collection of articles and materials of the scientific and educational conference dedicated to the 170th anniversary of the birth and 100th anniversary of the death of the great Izhora storyteller Larin Paraske (1834–1904). St-Petersburg: Inkeri Publishing House, 2006, pp. 62–92.

5. Kryukov A. V. *Land and water: On the formation of ethnocultural zones in West Ingemanland* // Folk architecture: Interuniversity collection: Proceedings of the international scientific-practical conference "Forgotten legacy. How to save the wooden architecture of Russia," dedicated to the 100th anniversary of academician D. S. Likhachev. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 2007, pp. 465–486.

6. Kryukov A. V. *Votians or Chud?* // Language and traditional culture of the Russian Northwest: Collection of articles in memory of Lydia Yakovlevna Petrova. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2010, pp. 175–198.

7. Kryukov A. V. *A little-known group of post-ethnic water in the Kingisepp district of the Leningrad region* // Historical and cultural landscape of the North-West — 3: Sixth Shogren Readings: Сборник статей и тезисов докладов. St-Petersburg: European House, 2014, pp. 52–65.

8. Kryukov A. V. *What is behind the ethnonym "Izhora"?* // V All-Russian Conference of Finno-Ugric Scholars "Finno-Ugric languages and cultures in the socio-cultural landscape of Russia": Materials. Petrozavodsk, June 25–28, 2014. Petrozavodsk: Institute of Language, Literature and History, KarRC RAS, 2014, pp. 36–39.

9. Kryukov A. V. *Izhora of Central Ingemanland in the twentieth century* // North-West: ethno-confessional history and historical and cultural landscape: Seventh International Sjogren Readings: Collection of articles. St-Petersburg: Inkeri Publishing House, 2018, pp. 78–91.

10. Laanest A. Izhora dialects. Tallinn: Ed. Academy of Sciencec of ESSR, 1966. 179 p.
11. Napolskikh V. V. *The origin of the self-name of the Vepsians in the context of the ethnic history of the Eastern Baltic* // Voprosy onomastiki. 2007, № 4, pp. 28–33.
12. Peoples of Russia: encyclopedia. Moscow, Great Russian Encyclopedia, 1994. 479 p.
13. Ollikainen V. M. *Slovar' severno-ingermanlandskikh govorov finskogo iazyka: Govory vuole i koltushskii = Pohjois-Inkerin murresanakirja: Vuoleen ja Kelton murresanastoa*. [Petrozavodsk], Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre (Russian Academy of Sciences), [Helsinki], Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2003, XVII, 421 p.
14. Pimenov V. C. *Vepsians: The essay of ethnic history and the genesis of culture*. Moscow – Leningrad, Nauka, 1965. 264 p.
15. Ryabinin E. A. *Finno-Ugric tribes as part of ancient Russia: To the history of Slavic-Finnish ethnocultural ties: Historical and archaeological essays*. St-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1997. 260 p.
16. Ryabinin E. A. *Vodic land of Great Novgorod*. St-Petersburg, Dmitry Bulanin, 2001. 259 p.
17. Sedov V.V. *Ižbora* // Finno-Ugric peoples and Balts in the Middle Ages. Moscow, Nauka, 1987, pp. 42–43.
18. Grünthal R. *Lirvistä liiviin: Itämerensuomalaiset etnonyymit*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Laitos, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997, 283 p. (Castrenianumin toimitteita, 51).
19. Inkerikot, setot ja vatjalaiset. Kansankulttuuri, kieli ja uskomusperinteet. Ed. by K. Kallio, R. Grünthal and L. Saressalo, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2021, 504 p.
20. Inkeriismurteiden sanakirja. Ed. by R. E. Nirvi. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971. XVI, 730 p.
21. Laanest A. Näiteid isuri keele Heva murdest. *Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused = Trudy Instituta iazyka i literatury*, 1958, vol. II, pp. 167–174.

22. Laanest A. *Isuri keele Hevaha murde sõnastik*. Tallinn, Eesti Keele Instituut, 1997, 233 p.
23. Mikkonen P., Paikkala S. *Sukunimet*. Helsinki, Otava, 2000, 895 p.
24. Nimipalvelu. Available at: <https://nimipalvelu.dvv.fi/sukunimihaku> (accessed May 12, 2025).
25. Salminen V. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät. *Suomen kansan vanhat runot*, vol. III, part 3. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden seura, 1931 pp. 526–649.
26. *Suomen kansan vanhat runot*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1915–1924, vol. III, parts 1–3; 1925–1928, vol. IV, parts 1–3; 1929, vol. V, parts 1–3.
27. Valonen N. *Varhaisia lappalaista-suomalaisia kosketuksia: Ethnologia Fennica*, 1980, vol. 10, pp. 21–98.
28. Öpik E. *Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul: Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses*. Ed. by A. Viires. Tallinn, Valgus, 1970, 206 p.